
Изольда Январская
Асим
18+

Изольда Январская

Асим

«Автор»
2026

Январская И.

Асим / И. Январская — «Автор», 2026

Запретная роза СевераАнглия, 1461 год. Страна раздираема кровопролитной Войной Роз, а замок Торнтон задыхается без золота. Чтобы спасти родовое имя, девятнадцатилетняя Элинор Уорд должна стать разменной монетой — её отдают в жены грубому, жестокому кузену Гаю, который видит в ней лишь ценный трофей и породистую кобылицу. Элинор готова смириться со своей участью, но роковой осенний ливень приносит к воротам замка того, кого здесь никто не ждал.Асим ибн Малик — египетский лекарь и утонченный чужеземец с глазами цвета антрацита и смертоносной грацией леопарда. Он привез с собой восточные шелка, ароматы корицы и венецианское золото для тайного союза.Один случайный тактильный контакт, одна вспышка южной ярости и кровь на пиршественном сукне навсегда разрушают прежний мир Элинор. Сможет ли лед Севера устоять перед обжигающим пламенем Юга, когда на кону стоят не только их жизни, но и судьба всей Англии?

© Январская И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Г 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Изольда Январская
Асим

Глава 1

Глава 1. Кровь на сукне и запах корицы

Дождь лил над Йоркширом третьи сутки подряд. Тяжелые, свинцовые капли бесконечным шквалом обрушивались на зубчатые стены замка Торнтон, превращая окрестные дороги в непроходимое месиво из глины, навоза и пожухлой травы. Осень 1461 года выдалась суровой, под стать самой Англии, раздираемой кровопролитной войной между родами Ланкастеров и Йорков. Внутри цитадели царила гулкая, тревожная атмосфера. Вековые каменные стены, сочащиеся влагой, были занавешены тяжелыми, поеденными молью гобеленами, едва колыхавшимися от ледяных сквозняков. Воздух в коридорах насквозь пропитан въедливым запахом сырости, каминного дыма, прокисшего эля и жареного бараньего жира.

У узкого стрельчатого окна замковой библиотеки стояла девятнадцатилетняя Элинор Уорд. Истинная дочь Севера, она разительно отличалась от утонченных, бледных девиц, которых принято было воспевать в куртуазных балладах. Элинор обладала королевски щедрыми, манящими формами — сочная женственность, которую тщетно пытались скрыть строгие английские каноны приличия. Мягкие плечи манили идеальной гладкостью фарфоровой кожи, на которой от холода проступал едва заметный персиковый румянец. Высокая грудь, туго приподнятая жестким корсетом, при каждом вздохе вздымалась столь волнующе, что кружевной край тонкой сорочки едва сдерживал её натиск, обнажая глубокую, соблазнительную ложбинку.

На Элинор было распашное платье — котарди — из тяжелого шерстяного сукна цвета густого бургундского вина. Ткань плотно облегала её фигуру, очерчивая крутую линию бедер и рельефную талию. Округлость её силуэта была столь выразительной, что при малейшем движении тяжелый подол покачивался в такт неспешным, ленивым шагам. Лицо Элинор было округлым, с нежными пухлыми губами цвета спелой земляники. Огромные серые глаза, напоминавшие грозовое йоркширское небо, из-под густых темных ресниц с напряжением вглядывались в размытый пейзаж за окном. Пышные волосы цвета плавленого золота тяжелой волной спускались вдоль спины из-под жемчужной сетки. От девушки исходил тонкий аромат лавандового мыла и чистого тепла молодого тела — контраст, который посреди сырого замка действовал как дурманящее вино.

Оставшись в полумраке огромной библиотеки, Элинор тихо вздохнула, и этот звук затерялся среди высоких дубовых стеллажей, заставленных тяжелыми фолиантами. Одиночество в замке Торнтон давно стало её постоянным спутником, но в такие темные, отрезанные от мира ненастьем дни оно ощущалось особенно тяжело — словно холодный саван, опускающийся на плечи. Она перевела взгляд с размытого дождем окна на корешки книг. Отец берег это собрание, пополнявшееся годами, и Элинор, в отличие от большинства благородных девиц Йоркшира, умевших лишь вышивать да молиться, находила в этих латинских и итальянских строках единственное спасение от удушающей замковой скуки. Но сегодня даже хроники древних лет не могли отвлечь её от тревожных мыслей.

Ей шел двадцатый год — возраст, когда тело, налитое молодой силой, отчаянно требует жизни, тепла и обожания, а не созерцания плесени на каменных сводах. Каждый раз, глядя в тяжелое венецианское зеркало, Элинор видела, как в тугом корсете томится её роскошное, налитое спелостью тело, созданное для страстных объятий, а не для увядания в глуши. Но её судьба была предрешена. При воспоминании о сэре Гае к горлу подкатывала тошнота. Отец,

ослепленный родственным долгом и истощенный войной, видел в этом браке единственный способ удержать три сотни латников и защитить Торнтон от Йорков. Для самого же Гая она была лишь ценным трофеем — породистой кобылицей с богатым приданым в виде земель и замка. Элинор знала, какими тяжелыми, сальными взглядами кузен ощупывал её тело, когда бывал трезв, и как грубо обрывал её попытки заговорить о книгах или искусстве. Мысль о том, что эта огромная, пахнущая перегаром туша однажды получит законное право обладать ею, заставляла сердце Элинор болезнечно сжиматься от ужаса.

Она прошлась вдоль стеллажей, лениво ведя кончиками пальцев по шероховатой коже переплетов. В замке Торнтон катастрофически не хватало золота. Война Ланкастеров и Йорков выпила из отца все силы: налоги на шерсть были перекрыты, амбары пустели, а слуги и гвардейцы, не получая платы, становились дерзкими и злыми. Элинор чувствовала, как над цитаделью сгущаются тучи, и этот бесконечный йоркширский ливень казался ей предвестником скорой катастрофы. Она была заперта в этой клетке, лишенная права выбора, вынужденная покорно ждать, пока её принесут в жертву ради спасения родового имени. Она снова вернулась к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Ей отчаянно, до дрожи в плечах, хотелось чуда. Какого-то потрясения, которое разорвало бы этот серый, душный кокон её жизни. Она мечтала о мужчине, который разглядел бы за её соблазнительными формами живую душу, о ком-то, кто обладал бы силой укротить её собственный гордый нрав, но при этом был бы достаточно утончен, чтобы понять её мысли. «Таких мужчин нет в Англии, — с горькой усмешкой подумала она, глядя на ровные капли, стекающие по стеклу. — Наш удел — грязь, кровь и пьяные рыцари». Она еще не знала, что всего через несколько минут сигнальный рог у ворот возвестит о прибытии человека, который перевернет всю её вселенную.

Внизу, в главном дворе, суетились слуги. Точнее, пытались суетиться: молодые горничные и прачки то и дело бросали работу, кучкуясь у конюшен и на галереях. Женщины в замке Торнтон истосковались по мужскому вниманию. Местные воины, пахнущие кислым потом и немытыми телами под кольчугами, давно не вызывали у них трепета. Служанки вовсю шушукались, поправляя чепцы и намеренно ниже опуская вырезы холщовых рубах. Они уже знали, что гость везет с собой восточную охрану, и втайне надеялись привлечь взгляды чужеземцев, обсуждая легендарную горячую кровь южан.

Дверь библиотеки с глухим стуком отворилась, впустив в комнату резкий запах перегара и мокрой конской кожи. Вошел сэр Гай — кузен Элинор и её нареченный жених. Это был грузный, широкоплечий мужчина тридцати лет с бычьей шеей и тяжелой, вечно недовольной челюстью. Его лицо, обветренное в военных походах, покрывала мелкая сетка лопнувших сосудов от чрезмерного увлечения элем. Маленькие, глубоко посаженные карие глаза смотрели на мир со злобной подозрительностью. На Гае был потемневший от сырости кожаный колет поверх плотного шерстяного жакета, а тяжелые наплечники со звенящими заклепками делали его фигуру еще более массивной и неуклюжей. Швырнув грязные перчатки прямо на дубовый стол, поверх бесценного пергамента с хрониками, он недовольно проворчал:

— Твой отец выжил из ума, кузина. Впускать в дом этого сарацина, когда по дорогам рыщут шпионы Йорков? Этот твой «арабский лекарь» выведает наши силы и продаст нас с потрохами первому же отряду, который заплатит ему золотом.

— Он учился с моим отцом в Падуе, Гай, — холодно ответила Элинор, даже не повернув головы. — И он спас отцу жизнь, когда тот истекал кровью после переправы через Рону. В его жилах течет кровь древних восточных христиан. У него больше чести, чем у многих, кто носит английские шпоры.

— Мы проверим его честь, — ухмыльнулся Гай, демонстративно положив широкую ладонь на эфес тяжелого пехотного меча.

В этот момент у ворот затрубил сигнальный рог. Элинор прильнула к стеклу — редчайшей роскоши, которую её отец с трудом выписал из самой Венеции.

Сквозь серую пелену ливня во двор въехал небольшой, но хорошо вооруженный отряд. Впереди на поджаром, изящном черном андалузском жеребце ехал всадник. Даже укутанный в темный дорожный плащ, он казался огромным. Откинув капюшон, он явил миру лицо, которое заставило Элинор затаить дыхание.

Асиму ибн Малику было около сорока лет. Но если английские мужчины к этому возрасту часто казались разбитыми, стареющими воинами, то время лишь отточило черты лица египтянина, сделав их хищными, тонкими и невероятно благородными. Его смуглая, цвета дикого меда кожа резко контрастировала с бледностью северян. Высокие скулы, прямой орлиный нос и аккуратно подстриженная, жесткая черная борода с первыми нитями седины выдавали в нем человека высокого происхождения. На его шее, едва приметный под воротом, покоился тяжелый золотой крест особой, древней формы. Асим принадлежал к знатному роду египетских коптов — христиан, чьи предки жили на берегах Нила задолго до прихода ислама. Именно это позволило ему в юности без помех пересечь Средиземное море и обучаться наукам в лучших университетах Европы. Но самым поразительным в его облике были глаза — антрацитово-черные, глубокие, горящие опасным интеллектом. В нем не было восточной изнеженности; в каждом движении, в том, как уверенно его длинные пальцы держали поводья, угадывалась смертоносная грация сытого леопарда. На его поясе, поверх богатого кушака, висел непривычно изогнутый восточный кинжал в ножнах из черненого серебра, усыпанных мелкой бирюзой.

Следом за ним во двор въехали его личные телохранители. Это были отборные восточные наемники, выкупленные Асимом из неволи и преданные ему до гроба — рослые, плечистые нубийцы и сирийские христиане с суровыми, будто высеченными из базальта лицами. Их облик внушал трепет: на головах поблескивали под дождем стальные островерхие шлемы с кольчужными бармицами, защищающими шеи, а массивные торсы облегали чешуйчатые доспехи, надетые поверх плотных кафтанов из алого шелка. Их густые черные усы были воинственно закручены, а из-под тяжелых бровей горели хищные глаза воинов. На бедрах покоились широкие изогнутые сабли в богатых ножнах, а за спинами висели круглые щиты, обтянутые кожей и украшенные медными бляхами.

Навстречу гостям по каменным ступеням двора уже спешил хозяин замка — лорд Томас Уорд, барон Торнтон. Ему, как и Асиму, было около сорока, но гражданская война и груз ответственности наложили на Томаса неизгладимый отпечаток. Высокий рыцарь теперь слегка сутулился. Его лицо было изрезано глубокими морщинами — следами бессонных ночей и страха за будущее единственной дочери. Волосы Томаса были густо подернуты пеплом седины. На нем был простой, но добротный темно-зеленый бархатный колет, стянутый широким кожаным ремнем с фамильной серебряной пряжкой. Глаза барона блеснули неподдельной радостью, когда он широко раскинул руки для объятий.

— Асим! Брат мой! — воскликнул лорд Томас, и его зычный голос перекрыл шум непогоды.

Асим легко, с едва уловимым изяществом соскочил с седла прямо в йоркширскую грязь, даже не взглянув под ноги. Они крепко обнялись — два зрелых мужчины, принадлежавших к абсолютно разным мирам, но связанных узами старой дружбы. Пока лорд Томас уводил Асима в тепло, во дворе закипело бурное знакомство. Английские служанки, окончательно потеряв голову от вида могучих заморских воинов, высыпали к конюшням под предлогом помощи с багажом. Конюхи и челядь принялись разгружать притороченные к седлам дорожные тюки и

плетеные короба. Из них, едва приоткрывшихся, вырывался густой, дурманящий шлейф экзотических ароматов. Элинор наблюдала за ними сверху, прильнув к перилам внутренней галереи, и заметила, как один из восточных слуг бережно достал из сукна диковинный прибор — тяжелую латунную астролябию, тускло блеснувшую в полумраке, а следом — свернутые рулоны тончайших шелковых ковров. Для сурового, серого Йоркшира всё это богатство выглядело чистой магией.

В это же время у коновязи одна из бойких молодых служанок, намеренно расправив плечи так, чтобы привлечь внимание к вырезу холщовой рубахи, с замиранием сердца протянула охапку сухой соломы огромному мамлюку с глубоким шрамом на щеке. Воин принял подношение, его суровые губы тронула едва заметная, хищная ухмылка, а смуглая ладонь как бы невзначай коснулась девичьих пальцев. Девушка шумно выдохнула и захихикала, оглядываясь на подруг. Другая горничная уже помогала второму стражнику снять тяжелый мокрый плащ, поглаживая ладонью его крепкое плечо и заглядывая в антрацитовые глаза. Чужеземцы отвечали им гортанным, рокочущим смехом.

К самому же Асиму подбежала молодая горничная с тяжелым медным тазом, полным дымящейся горячей воды, и пушистым льняным полотенцем. Асим ласково улыбнулся испуганной девице, которая от волнения едва не выронила ношу. Он вымыл сильные, ухоженные руки, а затем на ломаном, но удивительно певучем английском языке тихо произнес:

— Благодарю тебя, прекрасная роза Севера.

С этими словами он опустил в её влажную ладонь серебряный венецианский гроссо. Служанка вспыхнула до корней волос, её дыхание перехватило, и она отступила назад, пожирая гостя глазами. Сверху Элинор отчетливо видела эту сцену; её сердце болезненно сжалось от неожиданного, острого укола ревности. Этот мужчина умел подчинять себе женщин одним лишь мимолётным жестом.

Перед тем как сесть за обеденные столы, Асим распорядился внести в малую залу дары, которые он вез через половину цивилизованного мира. Лорд Томас позвал дочь, чтобы она разделила с ними этот момент встречи с неизведанным Востоком. Элинор подошла к столу, на котором слуги египтянина уже бережно раскладывали подношения, и её серые глаза загорелись восторженным любопытством.

Асим лично открыл первый короб из сандалового дерева. Зал тут же наполнился концентрированным благоуханием. Внутри, на подушке из черного бархата, покоился изысканный письменный прибор из полированного нефрита, инкрустированный тончайшими золотыми нитями, а рядом — стопка редчайшей, гладкой шелковистой бумаги, сработанной мастерами Дамаска. В Англии, где книги всё еще писались на тяжелом пергаменте, такая бумага была на вес золота. Элинор завороженно протянула руку и коснулась пальцами безупречных листов, дивясь их невесомой легкости и податливости, столь непохожим на плотную, жесткую телячью кожу фолиантов из отцовской библиотеки — Это для твоих ученых трудов, Томас, — мягко произнес Асим, заметив, как замерла девушка. — А это — для леди Элинор.

— Благодарю вас, шеих Асим, — ответила Элинор, её голос прозвучал низко и чувственно.

Он достал из глубокого кожаного чехла отрез тончайшего, невесомого дамасского шелка лазурно-синего цвета, расшитый серебряными цветами граната. Ткань струилась между его смуглых пальцев, словно живая вода. Элинор сделала шаг вперед, перекликаясь с ним взглядом. Приняв этот дарящий прохладу шелк, девушка невольно прижала драгоценный отрез к своим округлым плечам, восхищаясь тем, как благородно синий цвет подчеркивает золото её волос.

Следом Асим извлек небольшие стеклянные флаконы в серебряной скани, наполненные густыми маслами жасмина и амбры, и ларец из слоновой кости, доверху набитый сушеными каирскими финиками, инжиром и засахаренным имбирем. Элинор рассматривала эти заморские сласти так, словно они были драгоценными камнями. Она взяла один финик — темный, глянцевый, сочащийся сладким сиропом — и осторожно положила его в рот. Непривычный, приторно-пряный вкус взорвался на её языке. Асим открыто, с глубоким мужским восхищением любовался ею в этот миг, подмечая, как сладострастно очерчены её пухлые земляничные губы и как сочные формы винного платья отзываются на каждый её восторженный вздох. Между ними протянулась невидимая, тонкая, как шелковая нить, связь.

Взволнованная этим мимолетным признанием, Элинор поспешила удалиться в свои покои. Сердце её бешено колотилось. Поддавшись внезапному, горячему порыву и желанию предстать перед заморским гостем во всем великолепии, она приказала служанкам убрать будничное котарди и достать из сундуков парадное одеяние, которое береглось лишь для королевских приемов.

Через час в большом обеденном зале замка разожгли огромный камин, в котором с треском прогорали целые дубовые бревна, швыряя снопы искр на закопченный каменный свод. Помещение освещалось десятками тяжелых сальных свечей в кованых железных шандалах и чадящими факелами в настенных кольцах, которые отбрасывали пляшущие, зловещие тени на массивные стены. Сам зал являл собой образец суровой и мрачной североанглийской готики: высокие стрельчатые арки подпирали потолок из мореного дуба, а на стенах между узкими окнами-бойницами висели старые боевые щиты с выцветающим гербом рода Уорд — оскаленной волчьей головой. По случаю приезда столь важного гостя слуги полностью обновили камыш на полу, смешав его со свежей мятой и сушёной лавандой, что бы перебить сырой замковый дух. Посреди зала буквой «Т» тянулись массивные дубовые столы. Во главе, на небольшом деревянном помосте — *даисе*, стоял высокий господский стол для барона и его благородных гостей, застеленный дорогой белоснежной льняной скатертью, усыпанной сухими лепестками лаванды для борьбы со смрадом сырости. Менее знатные вассалы и рыцари сидели ниже, за длинными неглубокими досками на козлах, где вместо скатертей дерево было просто выскоблено ножами.

Серебряная и оловянная посуда, выставленная на господском столе, ломилась от кушаний, призванных показать, что Торнтон, несмотря на войну, еще не разорен. Перед лордом Томасом и Элинор красовались тяжелые, начищенные до блеска оловянные блюда с роскошной дичью. Центральное место занимал запеченный целиком кабан, чья темная хрустящая шкурка была глазирована диким медом и пивом; из его пасти торчало крупное мочёное яблоко, а бока были обложены пучками дикого тимьяна и розмарина. Рядом на серебряных подносах высились горы жирных йоркширских куропаток и вяхирей, зажаренных на вертелах до янтарной корочки, исходивших паром и густым, сытным соком. На пиршественных досках попроще стояли глиняные миски с густой, наваристой похлебкой — *потажем*из разваренной баранины с овсом, пореем, пастернаком и крупными бобами. Для знатных гостей слуги подавали редкое лакомство — огромный пирог с олениной, украшенный перьями лесного фазана, чье тесто было жестким, словно глина, и служило лишь сосудом для томящегося внутри нежного, сочного мяса, сдобренного привозным черным перцем и мускатным орехом. В плетеных корзинах лежали толстые ломти грубого ржаного хлеба и свежие ячменные лепешки. Питье лилось рекой, отражая строгую иерархию средневекового пира. Простые гвардейцы и латники у дверей и на нижних скамьях жадно глушили густой, пенистый темный эль из тяжелых кожаных кружек — *блэкджеков*, скрепленных медными обручами, и грубых глиняных кубков. Ритуал винопития за главным столом был куда утонченнее. Лорд Томас распорядился достать из подвалов венецианские стеклянные бокалы и серебряные чеканные кубки, в которые слуги бережно наливали густое, терпкое гасконское вино цвета спелой вишни и привоз-

ную сладкую мальвазию, отдававшую изюмом. Перед тем как подать вино, его, по старинной традиции, слегка подогревали в чашах с добавлением корицы и гвоздики, чтобы защитить благородных господ от сырого осеннего хлада. У монументальных дубовых дверей зала, словно две грозные стальные башни, застыли безмолвные телохранители Асима. Их кованые шлемы и чешуйчатые доспехи зловеще поблескивали в полумраке. Молодые служанки, разносившие кушанья, едва не роняли подносы — они нарочно замедляли шаг возле стражей, заглядывая им в лица и покачивая бедрами в надежде поймать ответный взгляд. Кое-кто из горничных даже тайно подмигивал безмолвным воинам, явно давая понять, что грядущей ночью у дверей гостя им не придется скучать. Элинор заняла свое почетное место по правую руку от отца.

Когда Асим вошел в зал, сменив дорожное платье на роскошный кафтан из плотного узорчатого дамаска глубокого изумрудного цвета, расшитый золотой нитью по воротнику, по залу пронесся приглушенный вздох. От заморского гостя пахло тем, чего суровая Англия никогда не знала: сухой благородной корицей, дорогим сандалом, редкими травами и настоящей, скрытой страстью. Кафтан подчеркивал его широкие плечи и подтянутую фигуру. На его руках, ухоженных и сильных, поблескивали тяжелые перстни.

Его взгляд медленно скользнул по присутствующим рыцарям и остановился на Элинор. На его губах заиграла едва заметная, понятная только ей одной улыбка. В его антрацитовых глазах больше не было прежней настороженности чужака — в них горел глубокий, осознанный мужской интерес, заставивший сердце Элинор пропустить удар. На Элинор было роскошное, тяжелое платье — котарди цвета ночного йоркширского неба, сшитое из драгоценного бархата, привезенного купцами из самой Флоренции. Ткань глубокого, почти черного синего оттенка была искусно расшита серебряными нитями вдоль всего подола и высокого лифа, мелкими искрами мерцая в полумраке зала, словно созвездия. Отрезной силуэт платья с узким, тугим корсажем безжалостно, но невероятно соблазнительно подчеркивал крутые, сочные изгибы её фигуры. Глубокий, широкий V-образный вырез, отороченный тончайшей серебряной парчой, открывал взору безупречную белизну её округлых плеч и высокую, пышную грудь. При каждом волнующем вздохе Элинор серебряное шитье на лифе приходило в движение, создавая иллюзию живого, дышащего сияния. Узкие, облегающие рукава платья спускались до самых запястий, где переходили в широкие, свисающие до пола декоративные манжеты — *поинты*, подбитые изнутри благородным серебристым шелком. Не менее изысканной была и её прическа, выполненная по строгой, но величественной моде того века. Золотые, тяжелые волосы Элинор больше не падали волной на спину: они были тщательно расчесаны на прямой пробор и уложены по бокам головы в две замысловатые, объемные косы, свернутые аккуратными «улитками» над ушами. Эту сложную укладку удерживала на месте светлая шелковая сетка-крепин, густо унизанная речным жемчугом и скрепленная серебряными шпильками. Со лба девушки, согласно строгим канонам приличия, были убраны все лишние пряди, открывая её округлое, нежное лицо, но это лишь подчеркнуло безупречную гладкость кожи и манящую пухлость земляничных губ. Тончайшая, прозрачная вуаль из фландрского кружева крепилась к жемчужной сетке и невесомым облаком спускалась на её мягкие плечи. Асим завороженно созерцал этот контраст глубокого синего бархата, холодного серебра и бьющего через край тепла её молодого тела, и этот долгий взгляд был подобен безмолвному обещанию, от которого по коже девушки пробежала волна обжигающего жара.

Элинор судорожно выдохнула, чувствуя, как краска заливает её лицо. Чтобы скрыть внезапное смятение и не выдать себя перед сидевшими за столом рыцарями, она поспешно опустила ресницы и сделала вид, будто увлеченно поправляет тяжелую складку синего бархата на коленях. Сердце в её груди билось так гулко, что серебряные нити на корсаже мелко подрагивали.

Египтянин, заметив её волнение, едва заметно улыбнулся кончиками губ. С истинно восточным тактом он не стал продлевать эту опасную паузу и неспешно отвел взор, переведя

его на главу стола. Лишь его пальцы, чуть сильнее сжавшие край изумрудного кафтана, выдавали, что этот безмолвный диалог не оставил его равнодушным.

Пир начался без лишних церемоний, с той плотоядной и грубой жадностью, которая была свойственна вечно голодному, промерзшему Северу. Лорд Томас, чей аппетит годами подтачивала военная тревога, взялся за еду с усталым усердием старого солдата. Он быстро опустошал свое оловянное блюдо, куда слуга-транжира едва успевал подкладывать сочные, исходящие паром, куски кабанятины. Барон орудовал тяжелым охотничьим ножом, отправляя мясо в рот и шумно запивая каждый кусок тяжелым гасконским. Война приучила его есть быстро, словно каждый обед мог стать последним перед осадой. Асим держался совершенно иначе, и Элинор, почти не притрагивавшаяся к своей тарелке, завороженно наблюдала за каждым его жестом. В том, как египтянин обходился с едой, сквозила утонченная, почти хирургическая точность южанина, непривычная для английских рыцарей. Своим изогнутым восточным ножом он тонкими пластами срезал волокна нежной фазаньей грудки, бережно подцепляя их и отправляя в рот так аккуратно, что жесткие усы и серебрящиеся нити бороды оставались безупречно чистыми. Густое пряное вино он пил не жадными глотками, а медленно пригубливал из серебряного кубка, словно изучая характер напитка. Был в этой размеренности особый, пугающий магнетизм: Асим брал от стола то, что хотел, с ленивой уверенностью хищника, который никуда не спешит, потому что вся добыча в этом зале и так принадлежит ему.

Сама Элинор чувствовала, как тугой корсет парадного котарди мешает ей дышать, но причиной тому был вовсе не бархат. Под тяжелым, изучающим взглядом гостя её пухлые земляничные губы казались ей самой слишком сухими. Она заставила себя потянуться к серебряному подносу и отломить крыло куропатки. Кожа птицы хрустнула под её пальцами, оставив на подушечках жирный, лоснящийся след. Элинор осторожно поднесла мясо к губам, и Асим открыто, не скрывая плотского, глубокого интереса, проследил за тем, как капля прозрачного горячего сока сорвалась с её пальца и упала на белоснежный ворот лифа, мгновенно впитавшись в серебряную парчу. Под этим обжигающим взором Элинор поспешно сделала глоток сладкой мальвазии. Сладкий, приторный хмель обжег горло, смешиваясь с ароматом жасмина, и ей на мгновение показалось, что она пьет не вино, а жидкий огонь.

Лорд Томас, увлеченный моментом и ничего не заметивший, благодушно откинулся на спинку своего резного кресла. Хмель уже успел окрасить его бледные щеки здоровым румянцем. Сияя от искренней радости, барон с глухим стуком приподнял свой серебряный кубок, салютуя гостю, и шумно перевел дыхание.

— Обернись назад, Асим, — с грустной улыбкой проговорил Томас, обводя взглядом полупустой зал. — Сколько лет пронеслось? Почти пятнадцать лет, как мы покинули благословенную Италию. Я смотрю на тебя и не верю глазам. В твоей бороде седина, но держишься ты всё так же, будто за твоей спиной стоит вся армия султана. А я... я похоронил жену, а война Ланкастеров и Йорков выпила из меня все соки. Наша Англия тонет в крови, Асим.Мужчины предают присягу быстрее, чем просыхает грязь на их сапогах. Сегодня ты целуешь руку Генриху Ланкастеру, а завтра Эдуард Йоркский объявляет тебя изменником и забирает твои земли.

Египтянин принял кубок, его длинные пальцы коснулись серебра. Он посмотрел на друга долгим, понимающим взглядом:

— Время безжалостно к тем, кто берет на себя груз короны или баронского титула, Томас. Но наша дружба не подвластна годам. В Каире тоже бушуют интриги, султаны сменяют друг друга, но там, по крайней мере, солнце греет кости, а здесь у вас... — Асим покачал головой, бросив взгляд на окно, в которое бился дождь. — Кажется, само небо оплакивает этот остров. Однако, глядя на твою дочь, я вижу, что Господь благословил твой дом. Она — истинное украшение этих суровых стен.

Элинор слегка опустила голову, чувствуя, как под его пристальным взглядом её грудь взволнованно вздымается. Томас ласково потрепал дочь по плечу.

— Да, Элинор — моя единственная радость и моя самая большая забота, — вздохнул барон, а затем его лицо вдруг просветлело, морщины разгладились, и он негромко рассмеялся, обращаясь к другу. — А помнишь, Асим, Падую? Наш первый год обучения у старого профессора де Лука? Боже, какими мы были глупцами!

Асим подхватил этот смех, и его бархатный, глубокий голос заставил служанок у стен затаить дыхание.

— Как же не помнить, Томас? — с лукавой искрой в глазах отозвался египтянин. — Особенно ту ночь, когда ты решил доказать мне, что английские рыцари не боятся призраков, и мы тайно пробрались в подвал анатомического театра, чтобы взглянуть на труп, привезённый для вскрытия? Ты клялся, что у тебя железные нервы!

— О, пощади мою старость, не напоминай! — Томас покатился со смеху, стукнув кубком по столу. — Элинор, твоя невинная мать никогда не знала этой истории. Мы пробрались туда со свечами, а этот безумный египтянин уверял меня, что по расположению печени можно предсказать исход любой битвы. И тут мертвец... ожил! Он просто сел на столе и издал жуткий хрип!

— Это был не мертвец, а пьяный в стельку сторож, который заснул на каменной плитах, укрывшись саваном, — посмеиваясь, добавил Асим, пригубив вино. — Но ты, отважный барон Торнтон, с визгом, приличествующим юной служанке, бросил лампаду и бежал так быстро, что снес дубовую дверь головой. Нам потом пришлось три дня прятать тебя в моей комнате от городской стражи и лечить твою огромную шишку припарками из мирры.

— Ты всегда умел врачевать то, что другие считали безнадежным, — уже серьезнее произнес Томас, и взгляд его стал туманным, уходящим в прошлое. — Как и тогда, на переправе через Рону, четыре года назад. Если бы не твой ланцет и не эти твои пахучие восточные мази, я бы сгнил в прибрежной грязи Авиньона. Французские стрелы оставили во мне слишком много железа, и здешние коновалы лишь качали головами, собираясь отнять мне ногу. Ты вытащил меня с того света, брат.

— Христианин должен помогать христианину, в каких бы землях они ни встретились, — тихо ответил Асим, коснувшись пальцами золотого креста на шее. — Кровь на поле боя у всех одного цвета, Томас. И на берегах Роны, и здесь, в Йоркшире. Но я приехал сюда не только ради воспоминаний.

Лорд Томас придвинулся к другу ближе, и его тон стал тише, приобретая деловую, опасную серьезность:

— Ты ведь привез вести от венецианцев, Асим? И золото? Мне нужно кормить три сотни латников, а Эдуард Йоркский перекрыл все торговые пошлины на шерсть. Если Ланкастеры не получат поддержку, мой замок падет следующим.

Асим посерьезнел. Его антрацитовые глаза сузились, и он едва заметно кивнул:

— Золото венецианских купцов уже на борту Генуэзского Когга, Томас. Корабль бросит якорь в тайной каменистой бухте близ скал Фламборо-Хед, под покровом тумана, в обход патрулей Эдуарда Йоркского. На востоке купцы очень заинтересованы в твоей северной шерсти

и готовы платить в обход королевских пошлин лондонского Тауэра. Мы найдем способ доставить сундуки в замок. Но об этом мы поговорим позже без лишних ушей.

Но мирная беседа и политические тайны длились недолго. Сэр Гай, сидевший напротив гостя, демонстративно, с глухим стуком воткнул свой охотничий нож в кусок недожаренного мяса на своей тарелке. Он уже успел осушить несколько кубков крепкого эля, его лицо побагровело, а глаза налились кровью. Он сгорал от злости, видя, как барон пресмыкается перед чужеземцем, и как его нареченная невеста Элинор не сводит с египтянина восхищенного взгляда. — Наш барон, как я погляжу, совсем позабыл английскую речь, раз умиляется байкам о заморских покойниках, — громко, с тяжелой усмешкой произнес Гай, откидываясь на спинку скамьи и демонстративно крутя в пальцах кубок с элем.

В его голосе сквозила намеренная, ленивая дерзость. Несколько вассалов на нижних скамьях притихли. Лорд Томас нахмурился, но попытался сгладить неловкость, строго бросив племяннику:

— Гай, ты перебрал хмельного. Уймись.

— Отчего же, дядя? Мне искренне любопытно, — ухмыльнулся Гай, в упор глядя на Асима. Его маленькие глазки хищно сузились. — Мы тут, на Севере, проливаем кровь за истинную корону, пока наши овцы гниют без сбыта. А к нам привозит побрякушки человек из земель, где, как говорят, солнце выжигает людям остатки разума. Лицо лорда Томаса налилось гневом, он приподнялся:

— Гай! Оскорбление гостя под моей крышей…

— Оставь его, Томас, — мягко, но с железной интонацией перебил друга Асим. Египтянин даже не шелохнулся. Его лицо оставалось интеллигентно-спокойным, а на губах играла вежливая, почти ласковая, но оттого еще более жуткая улыбка. Он медленно повернулся всем телом к Гаю, изящным движением пригубив вино из серебряного кубка.

— Сир рыцарь высказал то, что доступно его уму, — певуче произнес Асим, и его антрацитовые глаза превратились в две щели, за которыми бушевало смертоносное пламя. — Обитателям грязного свинарника всегда тяжело рассуждать о величии королевских дворцов. Дремучее невежество — это не грех, это ваш крест, милорд. Гай побагровел так, что сосуды на его обветренном лице, казалось, готовы были лопнуть. Он с грохотом вскочил, опрокинув тяжелую скамью, которая со зловещим стуком покатилась по камышу пола.

— Ах ты заморская тварь! С этими словами Гай рванул с пояса рондо — тяжелый, граненый английский кинжал с массивными дисковидными гардой и навершием, созданный для того, чтобы пробивать доспехи. Зал ахнул. Служанки с криками бросились врассыпь, забиваясь в темные углы за колоннами. Вассалы Уордов повскакали с мест, хватаясь за эфесы, но никто не решался сделать шаг. — Ты будешь учить меня чести поджарых псов на моем родном Севере? Ты приехал сюда, связавшись с черной магией и контрабандой, чтобы обманом отобрать наши земли? Выходи из-за стола, если в твоих жилах течет хоть капля мужской крови, а не ослиная моча! Я выпущу твои черные кишки прямо здесь!

Элинор в ужасе подалась вперед, готовая закрыть Асима собой. Но в этот краткий миг суматохи египтянин среагировал молниеносно. Прежде чем Гай успел замахнуться для сокрушительного удара, Асим левой рукой мягко, но непреклонно оттолкнул Элинор назад, уберегая её от шального клинка. Его широкая, сильная ладонь на долю секунды плотно прижалась к её круглому бедру сквозь ткань платья. Этот тактильный контакт, мимолетный, но наполненный силой и первобытной мужской защитой, буквально обожёг девушку волной дикого жара. Сквозь плотный флорентийский бархат котарди она почувствовала обжигающее мужское

тепло; её дыхание перехватило от осознания того, насколько этот чужак сильнее и желаннее всех мужчин, которых она когда-либо знала. Сам же Асим с кошачьей грацией скользнул в сторону из-за стола. Нубийцы у дверей мгновенно подобрались, перестав обращать внимание на челядь, их ладони легли на рукояти сабель – они замерли в полу шаге от того, что бы устроить в зале резню, но ждали его нака господина .

— Ты хочешь английской стали, сарацин? Получай! — Гай сделал выпад, целя граненым остреем рондо прямо в незащищенное горло египтянина. Асим уклонился с неуловимой, пугающей скоростью. Из-под изумрудного дамаска с сухим, хищным шелестом показался его собственный клинок — ханжар. На его изогнутом лезвии из чистейшей дамасской стали плясали водяные узоры, свидетельствовавшие о безупречной ковке, а эфес, украшенный темным нефритом, идеально лег в длинные пальцы Асима. Гай атаковал снова, нанося тяжелый удар сверху вниз, вкладывая в него весь свой вес. Любой английский воин попытался бы перехватить удар жестким блоком, но Асим воевал иначе. Он встретил дисковую гарду рондо Гая скользящим, мягким касанием изогнутого лезвия ханжара. Раздался пронзительный скрежет металла о металл — Асим ювелирно перенаправил инерцию чужого удара в сторону. Тяжелая рука кузена с глухим стуком врезалась в дубовую доску пиршественного стола, опрокидывая оловянные кубки.

Не дав Гаю восстановить равновесие, Асим сделал стремительный шаг вперед, оказываясь вплотную к рыцарю. Изогнутое лезвие ханжара описало в воздухе молниеносную дугу. Раздался короткий хруст рассекаемой кожи и плотного сукна. Изящная восточная сталь с хирургической точностью вспорола колет Гая на груди, оставив на бледной коже ровную, глубокую багровую черту. Из раны тут же брызнула густая алая кровь. Гай взвыл от боли и неожиданности, ошалело делая шаг назад.

Но Асим не собирался останавливаться. С ленивой уверенностью хищника он перехватил ханжар обратным хватом и резким, коротким движением приставил острое, как бритва, острие прямо к горлу Гая, остановив сталь в полумиллиметре от бешено пульсирующей жилы на его бычьей шее.

— Еще одно движение, сир рыцарь, и твоя дурная голова покатится по этому камышу, — тихо, почти шепотом произнес Асим. Его дыхание было абсолютно ровным, словно он не только что увернулся от смертельного удара, а просто прогуливался по саду. Гай замер, тяжело и хрипло дыша, боясь даже сглотнуть слюну под ледяным прикосновением восточной стали. Его глаза налились первобытным ужасом. Но прежде чем изогнутый клинок успел глубже войти в кожу, между мужчинами молниеносно выросло тяжелое граненое лезвие. Лорд Томас, рванув с собственного пояса точно такой же массивный рыцарский рондо, стальным диском гарды жестко перехватил запястье Асима, а острым граненым концом замер в дюйме от груди египтянина, разводя противников в стороны. Зал замер на грани резни.

— Довольно! — громоподобно крикнул Томас, и его голос заставил замолчать весь притихший зал. Лицо барона было бледным, взгляд — ледяным. — Асим, брат мой, убери кинжал. Если ты перережешь ему глотку под моей крышей, мои вассалы будут обязаны мстить за кровь рода, и тогда этот зал захлебнется в общей крови. Я не могу этого допустить. Асим несколько секунд смотрел на стальное острие рондо в руках Томаса, затем его взгляд переместился на лицо барона. Бешеное пламя в антрацитовых глазах египтянина медленно угасло, сменившись прежним холодным расчетом. Он кортким, неуловимым движением убрал свой ханжар в ножны и поднялся, изящно отряхнув подол изумрудного кафтана. Его стража у дверей синхронно расслабила плечи.

Лорд Томас перевел тяжелый взгляд на племянника, который стоял, тяжело дыша.

— Встань прямо, Гай, — тихо и сурово произнес барон, опустив меч, но не убирая его в ножны. — Ты опозорил меня, опозорил наш род и нарушил священный закон гостеприимства.

Ты напал на человека, который спас жизнь твоему сюзерену, и сделал это как трусливый разбойник из подворотни, а не как английский рыцарь.

— Он... он чернокнижник... — захлебываясь яростью и прижимая руку к расцарапанной груди, прохрипел Гай, безумно вращая глазами. — Твой отец, Элинор, якшается с ведьмаками и дьяволом! Вы все ответите перед Богом и истинным королем Эдуардом! За это оскорбление...

— Молчать! — рявкнул Томас, сделав шаг вперед, отчего Гай осекся. — Ты забыл, чье имя носит этот замок и кто здесь хозяин. С этого момента ты лишен права сидеть за моим столом. Стража! Уведите этого пьяного дурака под арест в его покои. Отобрать оружие. И приставьте к дверям надежных людей из моей личной гвардии. До утра он не должен сделать ни единого шага за порог.

Двое дюжих стражников подхватили беснующегося, но ослабевшего от потери крови Гая под руки и поволокли к выходу. Его тяжелые сапоги глухо шаркали по каменным плитам, а выкрики об измене и Йорках затихли лишь тогда, когда за ним захлопнулись тяжелые двери.

Служанки в углах зала начали медленно приходить в себя, испуганно перешептываясь и испуганно глядя на окровавленный стол. Жестокая и утонченная сила, сказочное богатство и абсолютная властность египтянина пугали и одновременно восхищали их до глубины души. Элинор смотрела на Асима, и её тело пронзила крупная дрожь — но не от страха перед насилием, а от дикого, запретного восторга. Рука Асима всё еще угадывалась фантомным, обжигающим теплом на её бедре. Этот мужчина был невероятно опасен, скор на расправу, но при этом безупречен, умен и дьявольски красив. И в этот самый момент, когда их глаза снова встретились над каплями крови её кузена, Элинор поняла: её прежний мир разрушен навсегда.

Лорд Томас тяжело опустился в своё резное кресло, и этот глухой стук дубового дерева словно вывел застывший зал из оцепенения. Барон устало потер переносицу, на мгновение закрыв глаза, будто пытаясь стереть из памяти безобразную выходку племянника. Хмель окончательно выветрился из его головы, оставив лишь серую, изможденную бледность старого солдата. По его суровому знаку к даису немедленно подскочили насмерть перепуганные слуги. Они принялись поспешно, стараясь не производить лишнего шума, убирать со стола окровавленные куски мяса, перевернутую посуду и залитое багровыми пятнами льняное сукно, заменяя его свежей, пахнущей сухой лавандой тканью. Капли крови на дубовых досках пиршественного стола были спешно затерты, но невидимый след от произошедшего насилия все еще отчетливо витал в воздухе, смешиваясь со сладким ароматом подогретой мальвазии и едким каминным дымом.

Прежнее хмельное и грубое веселье, царившее среди северных рыцарей, в большой зал так и не вернулось. Вассалы Уордов, еще полчаса назад громко хохотавшие и жадно глушившие пенистый эль, теперь сидели тише воды, ниже травы. Они переговаривались исключительно приглушенным, робким шепотом, то и дело бросая пугливые, настороженные взгляды в сторону дверей, где по-прежнему высились две безмолвные стальные полумаски нубийских стражей. В глазах местных воинов больше не было пренепрежения к чужеземцам — дремучее северное невежество отступило перед лицом ювелирной, смертоносной силы, которую продемонстрировал египетский лекарь. Служанки, забившиеся в дальние углы за каменными колоннами, медленно приходили в себя, поправляя сбившиеся чепцы и не сводя с Асима горящих, восхищенных глаз. Эта внезапная, хирургически точная расправа над вечно пьяным и заносчивым сэром Гаем вызвала у женщин замка Торнтон суеверный, благоговейный восторг. Заморский гость, утонченный и бесконечно опасный, теперь казался им повелителем из древних сказок, способным подчинить себе эту суровую, промерзшую глухомань одним лишь мимолетным движением руки.

Элинор сделала глубокий вздох, чувствуя, как тугой корсет парадного платья наконец поддается ее воле. Напряжение, сковавшее ее тело, уступило место ледяной, царственной решимости. Медленно, с гордо поднятой головой, она выпрямилась и посмотрела прямо на отца, а затем перевела взгляд на египтянина. Её низкий, бархатный голос прозвучал удивительно чисто и твердо, разнесшись под гулкими готическими сводами притихшего зала:

— Простите моего кузена, шейх Асим, — произнесла она, и серебряные нити на ее синем бархатном лифе мягко качнулись. — В Йоркшире земля рождает крепкие дубы, но, увы, далеко не из каждого дерева можно вытесать благородного рыцаря. Мой кузен привык мерить честь длиной меча и ценой выпитого эля. Мне искренне жаль, что священный закон гостеприимства Торнтонов был осквернен столь дремучим и пьяным невежеством под нашей крышей. Примите мою глубочайшую благодарность за вашу сдержанность.

Асим медленно повернул голову к девушке. В его угольно-черных глазах, где еще секунду назад тлели угли опасного южного гнева, вспыхнул неподдельный интерес. Он слегка склонил голову, прижав длинные пальцы к расшитому золотом вороту изумрудного кафтана, и на его губах заиграла едва заметная, уважительная улыбка. Английские леди редко осмеливались говорить так прямо в присутствии мужчин, и этот проявившийся за сочными женскими формами острый ум северянки окончательно закрепил её победу над сердцем египтянина.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.